

Санкт-Петербургский государственный университет
Ф и л о с о ф с к и й ф а к у л ь т е т

Российское общество Макса Шелера

Философская антропология Макса Шелера

уроки, критика,
перспективы

Ответственный научный редактор издания
Д.Ю. Дорофеев

Санкт-Петербург
АЛЕТЕИЯ
2011

УДК 101.1:36
ББК 87.3(4Гем)5
Ф56

Издание осуществлено в рамках тематического плана СПбГУ по теме «Формирование основ гуманитарного и социального знания на принципах онтологии целостности», № 23.0.118.2010

Ф56 Философская антропология Макса Шелера: уроки, критика, перспективы / отв. ред. Д. Ю. Дорофеев. — СПб. : Алетейя, 2011. — 568 с.

ISBN 978-5-91419-444-1

Философская антропология является одним из наиболее актуальных и проблематичных направлений современной философии, до сих пор вызывающих острые споры в отношении своего положения, значения и возможностей. Настоящее издание *впервые* в отечественной философской литературе предлагает целостное критическое исследование творчества ее родоначальника Макса Шелера (1874–1928). Читатель сможет узнать о философско-антропологических основаниях феноменологии, этики, аксиологии, социологии знания, а также о собственно философской антропологии немецкого мыслителя в контексте неоднозначного осмысления западноевропейской и отечественной философией XX и XXI века проблемы человека. Помимо работ известных отечественных и зарубежных (американских, немецких, французских, испанских) авторов, предлагается ряд непереводившихся ранее на русский язык важных статей философа, его биография и международная библиография.

Издание предназначено для всех интересующихся современной философией и философской антропологией.

УДК 101.1:36
ББК 87.3(4Гем)5

ISBN 978-5-91419-444-1

9 785914 194441

© Коллектив авторов и переводчиков, 2011
© Д.Ю. Дорофеев, составление, 2011
© Издательство «Алетейя» (СПб.), 2011
© «Алетейя. Историческая книга», 2011

ПРЕДИСЛОВИЕ РЕДАКТОРА

Макс Шелер родился 22 августа 1874 г. в Мюнхене, а умер 19 мая 1928 г. во Франкфурте-на-Майне. Очень часто его смерть называют внезапной и ранней, а творческую жизнь — краткой, не успевшей в полной мере раскрыть заложенный в ней потенциал. Это одновременно так и не так. С одной стороны, те почти пятьдесят четыре года, прожитые Шелером, для философии вовсе не такой короткий срок, чтобы нельзя было успеть проявить себя с должной целостностью — напомним, что, например, Декарт прожил примерно столько же, но никто не говорит о нем как о не вполне реализовавшем себя. И Шелер также оставил заметный след в истории философии XX века, подтверждением чему служат бурные дискуссии и обсуждения, которые вызывали произведения при и после его жизни, основанная им школа немецкой философской антропологии, наконец, общепризнанный статус основателя философской антропологии, который он заслужил своими поздними — как опубликованными, так и оставшимися в рукописях — трудами. С другой стороны, действительно, обращая свой взгляд на перипетии философского пути Макса Шелера, невольно сравниваешь его с чередой бросков и рывков, самозабвенно осуществляемых в разных направлениях, с большой скоростью, но довольно кратковременных, что позволяло, если воспользоваться сравнением с крестьянской деятельностью, только вспахать и засеять поле, но не охранять его от заморозков и тем более не получить заслуженный урожай. Феноменология, этика, аксиология, социология знания — всем этим направлениям Шелер щедро отдавал свое время, силы, талант, как будто не мог остановиться на чем-то одном, как будто судорожно искал что-то свое. И теперь, спустя столько десятилетий, когда время уже высвечивает смысл сделанного, можно сказать, что все эти поиски в разных сферах философии, важны были не сами по себе, а как *ступени* становления и определения *философской антропологии*, направляющей тернистый и извилистый путь немецкого философа, являющейся тем остовом, который только и скреплял собой его броски. Без этого остова все остальное было бы, может быть, и не столь значительным и актуальным для нас, живущих и мыслящих в XXI веке.

Конечно, можно признавать оригинальность и самобытность шелеровской феноменологии, но, будем честны, по своей значимости она не

может быть сравнима с феноменологией своего учителя, Гуссерля, и своего младшего современника, Хайдеггера, и все развитие XX века это безоговорочно подтверждает. Феноменология, вероятно, рассматривалась Шелером прежде всего как продуктивный метод, самобытное приложение которого позволило раскрыть философскую значимость сферы эмоционального опыта, порядков ценностных актов, самоотношения, отношений к Другому, любви, ненависти и сердца как целостного человеческого этоса, что и было намечено в ранних работах о ressentimente и о феноменологии любви и ненависти, а позже завершено в самой, может быть, яркой работе «Сущность и формы симпатии». Поэтому шелеровская феноменология есть в определенном смысле фундамент его этики и аксиологии, который был укреплен искренней христианской верой. И неудивительно, что именно в этой области Шелер написал свое наиболее законченное произведение («Формализм в этике»), которое выступило достойной альтернативой неокантианской философии ценности, открыв новый, более перспективный и продуктивный горизонт развития и по которому зачастую оценивается его вклад в философию XX века.

Но, как показывает развитие философии конца прошлого – начала нынешнего века, этика оказалась, может быть, наиболее проблематичной дисциплиной для современного мышления, опьяненного открытием множественности, низвержением любой нормативности и императивности и, боюсь, не устоявшей перед соблазном замкнутого сингуляризма. И самозабвенные усилия Апеля и Хабермаса, пытающихся найти новые основания этики и морального сознания через развертывание идей коммуникативного общества и действия, лишь показывают весь масштаб проблемы. Что же касается философской социологии, то она, кажется, и для самого Шелера была не более чем временным этапом, привлекающим возможностью прикладного применения основных метафизических принципов к сфере социальной реальности. И, конечно же, результаты, следствия, определенную системную завершенность этого обращения, по которым, собственно, и судят о достижениях социологии знания и социальной антропологии, были представлены уже позже, в трудах Шютца, Бергера, Лукмана и др. Так что, философская антропология, последняя «любовь» Шелера, к которой он последовательно, шаг за шагом, шел в своей философии, единственно и есть то действительно актуальное, что может побудить нас обратиться к нему с вниманием и интересом, и нынешняя проблематичность самой философской антропологии может как раз не затушевывать, а активизировать этот интерес.

Все это объясняет, почему в современной философии фигура Макса Шелера занимает неоднозначное положение. С одной стороны, его ста-

тус «классика», одного из основных представителей философии XX века, определивших во многом направление ее развития, не принято оспаривать и подвергать сомнению. С другой стороны, его значение не является актуальным *de facto*, все чаще признаваясь лишь, так сказать, по умолчанию и выступая не реально действующей причиной возникновения новых подходов, установок, концепций, а уходя в застывшую сферу истории философии. Особенно ярко подобная двойственность проявляется на примере философской антропологии, позднего проекта шелеровской мысли, ступеньки которого формировались на всем пути его философского развития. Тот бум философско-антропологического дискурса, апогей которого приходится на пятидесятые и шестидесятые годы прошлого века, когда одна за другой выходили книги с названием «Философская антропология» (в качестве примера можно привести исследования Ландманна, Ротхакера, Брюнинга, Лансберга, Хенгстенберга, Финка и др.), казалось, подтверждал прозорливость немецкого философа.

Однако, философская антропология так долго и мало результативно находилась в мучительном поиске своего самоопределения, что этот бум не мог постепенно не утихнуть и существенно уменьшить масштаб своей значимости даже для тех, кто был сначала его искренним приверженцем, не говоря уже о неприкрытом скептицизме в отношении философской антропологии других мыслителей (например, того же Хайдеггера), многие из которых в последнее время чрезвычайно быстро и поверхностно, как будто следуя моде, становятся сторонниками концепции «смерти человека». Поэтому реальное обоснование границ, принципов, категориального аппарата, особенного положения философской антропологии среди других философских дисциплин в каждом отдельном исследовании является необходимым условием ее развития. В качестве насущных задач современной философской антропологии можно указать на необходимость интеграции и целостного осмысления принципов *множественности, неоднородности и открытости* человеческого бытия; раскрытия конкретного значения зачастую столь неопределенного понятия человеческой *личности* посредством ее философско-антропологической дифференциации в отношении таких способов человеческого самоотношения и самопонимания, как индивидуальность и субъективность; достижение четкого осознания принципиального отличия *философской антропологии от антропологической философии* и таких форм антропологического знания, как религиозная, социальная, историческая, культурная антропологии. Такой ряд можно продолжить, тем более что он не является универсальным, поскольку, как кажется, продуктивней заниматься не

конституированием единой завершенной глыбы под названием «философская антропология», а отдельными множественными *философско-антропологическими исследованиями*.

Это, конечно, тема отдельной, так нужной современной философии, фундаментальной дискуссии, но я единственно хотел бы призвать не упрощать эту ситуацию, поверхностно и схематично формируя на основе французской философии последнего времени клише в отношении возможности философской антропологии. И одним из подтверждений наличия у философской антропологии будущего является тот факт, что даже Мишель Фуко, имя которого, кажется, становится в определенных кругах уже своеобразным философским китчем, после своих, получивших такое широкое распространение, исследований семидесятых годов в области нормативных и дисциплинарных пространств, дискурсивных техник, анонимной, тотальной и агрессивно-принудительной власти, сделавших его главным «могильщиком» человека, обращается с начала восьмидесятых к проблеме самоопределения и самополагания человеческого субъекта через его отношения к истине посредством таких, идущих от античности, установок, как «забота о себе», «практика себя», «культура себя», «техника себя».

Так или иначе, впрочем, но сейчас нужно констатировать существенное уменьшение *реального* интереса к самому Шелеру, говоря о котором его исследования в области феноменологии, аксиологии, социологии знания сразу отходят на второй план перед философской антропологией. Но если в Европе все-таки сформировалась пусть и небольшая, но солидная когорта серьезных и вдумчивых исследователей Шелера, во главе с недавно умершим Манфредом Фрингсом, результатом чего является достаточно обширная библиография работ (приводимая в нашем издании), то в России, которая благодаря известным политическим событиям XX века была во многом отсечена от развития европейской философии, интерес к нему как одному из ведущих представителей европейской философии пришелся как раз на время, когда и сама человеческая личность и философская антропология в целом, казалось, уже не смогут подняться с колен как фундаментальные философские проблемы под градом наскоков на них со стороны французской философии.

Так вот, можно сказать, что наметившийся ренессанс шелеровской философии в контексте очевидной актуальности проблем «антропологического поворота» не смог развиваться, будучи почти тотчас же сметен ураганом деструкций. Таким образом, российская философия невольно перепрыгнула через тот этап отношения к философско-антропологической проблематике и в целом развития, который евро-

пейская мысль, подчас мучительно, прошла весь от начала до конца, захотев, однако, сразу приобщиться его результатам. Но продуктивной такая спешка не могла быть по определению. Поэтому в девяностые годы XX века в России появилось только два отдельных издания шелеровских сочинений, да в XXI веке еще одно¹. Серьезных же исследовательских статей, как и защищенных диссертаций, было совсем мало, а монографий и даже целостных коллективных исследований до сих пор нет – наш труд будет *первым*.

Конечно, если сравнить такое состояние присутствия и рецепции Шелера в российском издательском пространстве с Гуссерлем, Хайдеггером или Делезом, то выглядит оно, честно сказать, удручающе. Возможно, частично это объяснимо и естественным положением, сложившимся в результате определенного развития современной философии – во всяком случае, я не ставлю перед собой в качестве основной претенциозную (но, как кажется, в полной мере не актуальную) задачу развития российского «шелероведения». Скорей, речь идет о активизации фундаментальных исследований философско-антропологической проблематики в современной философии, и для этого, как представляется, философия и философская антропология Макса Шелера может быть удачной отправной точкой². Именно в этой, а не в узкой историко-философской перспективе следует рассматривать и созданное нами «*Российское общество Макса Шелера*» (<http://max-scheler.philosophy.spb.ru>) и проводимые им конференции (в частности, в рамках ежегодно организуемых философским факультетом Санкт-Петербургского государственного университета ноябрьских «Дней петербургской философии»).

Исходя из сказанного, определяются и основные задачи настоящего издания. Их несколько. *Во-первых*, видится необходимым представить, наконец, по возможности максимально полный и целостный образ философии Макса Шелера, рассмотренной в качестве пути становления философской антропологии. Это сможет, хочется думать, стимулировать современную мысль в направлении развития и актуализации философско-антропологических исследований и просто будет являться данью уважения и памяти Максиму Шелеру, умершему более

¹ Шелер М. Избранные произведения. М.: Гнозис, 1994; Шелер М. Ресентимент в структуре моралей. СПб.: Наука, 1999; Шелер М. Философские фрагменты из рукописного наследия. М.: Институт философии, теологии и истории Святого Фомы, 2007.

² Попыткой такого исследования как раз и является недавно вышедшая наша книга: Дорофеев Д.Ю. Суверенная и гетерогенная спонтанность. Философско-антропологический анализ. СПб: СПбГУ, 2007.

80 лет назад, но могущему быть ценным для современной мысли не в качестве архивного, а живого философа. Осуществление этой задачи потребует, *во-вторых*, объединение тех современных – как именитых, так, и это особенно важно, молодых – российских философов (причем не только из так называемых «столичных городов», но и из более отдаленных регионов нашей родины), кто занимается исследованием тех или иных аспектов философии и философской антропологии Шелера и переводом его трудов (в нашем издании представлены три не переводимых ранее на русский язык статьи Шелера). Не менее существенно, *в-третьих*, получить возможность ознакомиться, хотя бы в первом приближении, с результатами работ в области современных исследований шелеровской философии наших западноевропейских коллег (многие из которых так или иначе связаны с «Международным обществом Макса Шелера», Max-Scheler-Gesellschaft), с опытом их восприятия и оценок. Хочется думать, что и труды российских философов смогут расширить их представления о возможностях и специфики отечественной философской мысли.

Актуализировать проблематичность можно только на основе достаточного знания истоков, поэтому мы рассматриваем название нашего сборника – «*Философская антропология Макса Шелера: уроки, критика, перспективы*» – как повод к углубленному и дискуссионному изучению положения человека в мире, которое, быть может, позволит пересмотреть оценку философской антропологии и ее возможностей в горизонте развития современной философской мысли.